

ВИТАЛИЙ ШЛАБОВИЧ

Браслав, Беларусь

НА РАСКИСШЕЙ ТРОПЕ

Сугробы обмякли. С утра плюсовая
Погода распутием крошит тротуар.
Ручьи неуклюже друг друга толкая,
Спешат в неизвестность, как пьяницы в бар.

Разрывы звенящей шрапнели-капели
Вспороли сырую шинель февраля.
Поникие ветви берёз побледнели,
Плакучесть души над землёю стеля.

Смеркается... Пасмурно... Солнце незримо
Сползает за взгорка костлявый хребет...
Рождается март и тропой пилигрима
Бредёт, спотыкаясь, в раскисший рассвет.

На белой простыне
Лежу в палате номер шесть,
Как все – с «короной».
А за окном синиц – не счесть –
Щекочут клёны,

Роня крошево с ветвей
В больничный дворик.
Скребёт лопатой без затей
По снегу дворник.

Запорошила у двери
Зима-старуха
Пыльцу серебряной зари
Дрожащим пухом.

Летит небесность в близине
На гладь скамеек...
И лишь на белой простыне
В душе чернеет.

На обманутой земле
Шум апрельского спектакля.
Пашня чёрствая размякла.
Закружилась жизнь в страде.
Для кого-то вновь батрак я
В миллионной борозде...

Позади забота плуга.
Сенокос. Раздолье луга.
Жизнь кипит в медовом дне.
Я по-прежнему прислуга,
Только в солнечном огне...

Слякоть. Поле. Ранний вечер.
Осень сыростью не лечит.
Жизнь расплакалась навзрыд.
И крестом легла на плечи
Боль неправедных обид...

Воет выюга. Снега хлопья.
Целят в стужу елей копыя.
Потерялась жизнь во мгле.
Для больной судьбы холоп я
На обманутой земле...

—